

СОМЛАТА

Мужа моего зовут Чакор Митра Чоудхари. Впрочем, «Чоудхари» он убрал — оставил только «Чакор Митра». Когда я вышла за него — мне тогда было восемнадцать, — он пребывал в блаженном состоянии безработного. Зато он лихо стучал на табле¹, сдал экзамены и стал бакалавром искусств. У них в родне вообще никто никогда не работал. Ведь они происходили от заминдаров из Восточной Бенгалии, что особенно проявлялось на свадьбах. Люди говорили, что, хотя состояние их таяло, им, однако же, хватало средств обеспечить безбедное существование своим отпрыскам по гроб жизни. Приготовления к нашей свадеб-
.....

¹ Та́бла — индийский ударный музыкальный инструмент.

ной церемонии в пристройке для прислуги и драгоценности, подаренные мне мужниной родней, также убеждали моих родственников, что это чистая правда.

Знатные семейства, переживающие не лучшие времена, лезут из кожи вон, чтобы только не ударить в грязь лицом. И ни за что не упускают возможности произвести достойное впечатление на окружающих. Глядя же на мелкие ссоры и перепалки в доме моего мужа, после того как мы с ним уже поженились, я поняла, что на нашу свадьбу его родня истратила почти все свои сбережения. Им даже пришлось занимать деньги.

Свекровь моя была славная женщина. Тихая и добрая. Происходила она из бедной благочестивой семьи и не смогла влиться в новообретенное семейство. Однажды она усадила меня рядышком и сказала:

— Так уж судьбе было угодно, чтобы Фучу стал твоим мужем. Он тебе неплохая пара. Однако все, что у нас есть, — одна лишь видимость, а от былых благ ничегошеньки не осталось. Я уговорила его жениться в надежде, что счастливая жена и ему принесет счастье. Ты должна шпынять его каждый божий день. И не потакать ему ни в коем случае. А дашь слабину,

он решит, будто ему позволено всю жизнь проваляться в койке. Уж я-то хорошо знаю мужчин из этой семейки. Все до единого лодыри, каких поискать.

Да уж, радости мало. Если после свадьбы удача так и не улыбнется моему мужу, родня его будет думать, что я несу ему одни только беды, а как же иначе?

Свекровь с горечью сказала:

— А знаешь, на что живет эта семейка? На деньги от торговли землей да золотом. Дальше так продолжаться не может. Если тебе хватит ума, приструни Фучу.

— По-вашему, я сумею, ма? — робко проговорила я. — Ведь он всегда так гневается.

Она усмехнулась.

— Не стоит бояться мужского гнева. Пустое дело. Не бери в голову.

— Может, научите, что мне делать?

— Такому не научишь. Ты с виду довольна смышленная. Сама справишься.

С того самого дня мы сроднились со свекровью. До замужества я с ужасом слушала все эти истории про свекровей-мегер и очень обрадовалась, когда оказалось, что моя совсем не такая.

Но какое же семейство без мегеры? Взять, к примеру, мою невестку — жену старшего

мужниного брата. Так вот, эта самая невестка была постарше меня. И при всем том ну сущая ведьма. Или вот еще Пиши, сестра моего свекра, овдовевшая еще в отрочестве. На самом деле она-то и верховодила у них в семействе. Старшие и младшие братья души в ней не чаяли, памятуя о трагедии в ее жизни. А она из них веревки вила, да еще как.

Родня моего мужа проживала в Северной Бенгалии — в маленьком, грязном, перенаселенном городке. Тамошняя жизнь не отличалась разнообразием. Дом у них был довольно большой; впрочем, у них было несколько домов побольше с земельным наделом в Пакистане. Их, как было заведено у заминдаров, построил еще отец моего свекра. Настоящие игрушки со множеством комнат, арок и куполов. И недостатка в претендентах на все это не было. Когда земля, на которой стояли эти дома, отошла к Пакистану, родственники нашли убежище в нашем доме. Сперва их приютили, как обездоленных членов семьи. А после они заявили свои права на часть дома, поскольку его построили на деньги фонда недвижимости. Дом был записан на имя отца моего свекра, и наследниками были мои свекор со свекровью, а также старший брат свекра, его дочь и мой муж со своим братом.

Во всяком случае, на бумаге. Новопоселенцы же законных прав на дом не имели. Тяжба длилась долго и сопровождалась постоянными ссорами и дразгмами. В особых случаях, будь то свадьбы или похороны, родня объединялась.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы понять все эти хитросплетения и разобраться в каждой по отдельности. Родственники особенно любили кичиться тем, что у себя на родине они жили, как господа. Мужчины у них в роду не были охочи до службы или предпринимательства. Им куда больше нравился праздный образ жизни. Но к тому времени, когда я вышла замуж, некоторым из них пришлось начать зарабатывать на жизнь, чтобы сводить концы с концами.

Однако все это лишь предисловие к рассказу про моего мужа. Поскольку был он отпрыском знатного рода, его баловали до крайности с младых ногтей и воспитали сущим бездельником. Поскольку учиться его никто особо не принуждал, к степени бакалавра он продвигался черепашьими шагами. Человек он был по натуре взрывной. Никто не смел прерывать его, когда он стучал на своей табле. А когда его ненаро-

ком будили, он впадал в бешенство, потому как предпочитал просыпаться по собственному желанию. Жену свою он никуда с собой не брал, а выслушивать ее советы было для него сущим унижением.

Он был значительно старше меня: когда мы поженились, ему было тридцать два, а мне восемнадцать. Впрочем, против такой разницы в возрасте я ничего не имела, потому как сама хотела выйти за зрелого мужчину. А родители мои были так бедны, что им было все равно, какого возраста жених и чем он занимается. Но, что ни говори, муж мой был хорош и в свои тридцать шесть. Высокий, красивый, стройный, с густой шевелюрой, привлекательной наружности. По одному лишь его виду можно было сказать: настоящая белая кость. Несмотря на нашу разницу в возрасте и его солидность, я обращалась к нему, как водится: «аапни». Эта привычка сохранилась у меня и по сей день.

Через несколько дней после свадьбы, поймав его в добром расположении духа, я сказала:

— Объясни, кому я должна подчиняться в этой семье, а то мне невдомек?

— Что ты имеешь в виду? — изумленно спросил он.

— Хотелось бы знать, кто оплачивает здесь мою еду и проживание?

— Что за вопрос? За нас обоих платит один и тот же человек.

— Только я не могу взять в толк, кто это.

— А зачем тебе знать? Тебя кормят, и все, или тебе этого мало?

Я покачала головой.

— Нет, так не годится. Кто-то платит за все это. Кто же?

Он мог разозлиться, мог меня обругать. По крайней мере, я этого ожидала. Но он не разозлился. А с серьезным, озабоченным видом спросил:

— Ты хочешь сказать, что не знаешь?

Я робко пролепетала:

— Не сердись, просто я слыхала какие-то немыслимые вещи. Мне сказали, будто твоя семья зарабатывает на продаже золота и земли.

Он ничего не подтвердил и не опроверг. Сидя у окна нижнего этажа, он потягивал вечерний чай. За окном, на покрытой обшарпанной штукатуркой стене висела открытая водосточная труба. Комната кишела комарами, а из трубы тянуло жуткой вонью. Вечер был тягостно унылый.

Неспешно допив чай, он поставил чашку на старомодный круглый деревянный стол и, повернувшись ко мне, сказал:

— Верно, я собирался сказать тебе еще кое-что.

Меня обдало волной страха. Вид у мужа был грозный, а голос звучал и того хлеще. Но свекровь предупреждала меня, чтобы я ничего не боялась. И я сказала:

— Семейное золото, как и семейная земля, — вещь священная. Я слыхала, что негоже разбазаривать ни то, ни другое.

Он был мрачный и беспомощный, о чем можно было судить по его словам. Прокашлявшись, он сказал:

— Ума не приложу, что делать.

Набравшись смелости, я ответила так:

— Видишь ли, золото — штука не вечная. Земля, пожалуй, тоже. Надо бы нам быть поосмотрительней, так ведь?

Тогда он без всякой утайки сказал:

— Кому это нам? Тебе и мне, что ли?

— Нет, конечно, — тут же ответила я. — Всем нам, каждому члену семьи.

Он печально проговорил:

— Свадьба — тоже удовольствие не из дешевых. Кстати, а что это ты вдруг так заговорила?

— Сам знаешь, я из бедной семьи. А беднякам приходится в жизни несладко. Твоя родня вряд ли смогла бы смириться с нуждой. Вы же выросли в роскоши.

— Надеюсь, тебя здесь никто не унижал за то, что ты из бедной семьи?

— Никто. Но я всегда чувствую себя неуверенно, оттого что моя родня бедствует.

Тогда он мягко сказал:

— У тебя нет причин для неуверенности. Ведь твоя родня жила открыто. Да и мы знали, что делали. Думаешь, я совсем никудышный?

— Вовсе нет, — поспешно ответила я. — Ты, видно, даже не знаешь, как я тебя уважаю. При чем тут никудышный? Не в этом дело. Ты мог бы запросто зарабатывать на жизнь, если б захотел.

— Но как? Я всего лишь бакалавр. В лучшем случае меня возьмут только клерком. Да и такую работенку еще поди поищи. К тому же я никогда не помышлял о службе.

— Тебе вовсе не обязательно наниматься на работу. Открой свое дело.

— Дело! Такое занятие для торгашей. Такое, пожалуй, не по мне.

Я рассмеялась в ответ.

— Ладно, — сказала я, — не бери в голову. Тебе пора прогуляться. Мы еще поговорим об этом и что-нибудь придумаем, хорошо? Ты же не обидишься?

Он ушел с озабоченным видом, ничего не сказав в ответ. Может, здорово расстроился и попросту не обратил внимания на мои слова.

Жизнь в маленьком городке была тоскливая. Сходить в гости было не к кому, а из развлечений только кино, и то одни лишь старые фильмы. Единственное, чем можно было себя потешить, так это сплетнями с соседями. Но в этой семье даже это занятие было под запретом, потому как общаться с простолюдинами у них считалось зазорным. В результате вечерами было и впрямь тягостно и уныло. Хоть плачь. Понятно, я скучала по родителям. Мужчины еще могли выходить из дому, беседовать с соседями или играть в карты, а женщинам и этого не позволялось. Свекровь тешила себя вечерней медитацией и молитвами. Невестка терпеть меня не могла. И мне было очень одиноко.

Жили мы в южной половине дома. Наша часть состояла из десяти комнат, помещавшихся на трех этажах. Другие претенден-

ты на собственность занимали не то семь, не то восемь комнат в северной половине. С нами соседствовало еще несколько человек. У старшего брата мужа детей не было, они с женой проживали в двух комнатах второго этажа. Старший брат свекра тоже размещался в двух комнатах. Мы с мужем располагались в одной комнате нижнего этажа, а свекор со свекровью — в двух других. Пиши жила на втором этаже. Я все удивлялась, к чему ей столько комнат. И по возможности старалась обходить ее стороной. От одного ее взгляда у меня кровь стыла в жилах. Если с ней что-нибудь случалось, она так визжала из своего уединенного убежища, что ее визг разносился по всему дому. Мне еще никогда не случалось слышать, чтобы так кричали. Как-то раз после нашей свадьбы она послала за мной и повесила мне на шею толстое золотое ожерелье. До поры меж нами все ладилось. Но однажды она так рассерчала на меня, что от унижения мне даже захотелось расплакаться. Другая, будь она храбрее, сняла бы с себя ожерелье и вернула его. А я не смогла. Она намекнула, что ей мало радости оттого, что племянник ее взял себе в жены нищенку. И что жизнь в роскоши вскружила мне го-